

К ВОПРОСУ О СТЫЖЕНИИ ГЕРМАНСКИХ *ai*, *au*

Германские «старые дифтонги» *ai*, *au*, *eu* были двухфонемными¹. Об этом свидетельствуют следующие факты: а) их компоненты при словоизменении могли расчлениваться по различным морфологическим единицам; б) между компонентами могла проходить граница слога; в) в фонологических противопоставлениях компоненты вели себя подобно отдельным гласным фонемам данного языка; г) их компоненты (обычно первый) участвовали в правильных чередованиях, существовавших в данном языке; д) исторически они восходят к двум самостоятельным единицам; е) их средняя длительность равнялась сумме длительностей двух простых гласных данного языка; ж) в ходе исторического развития их компоненты претерпевали изменения, параллельные изменениям существовавших простых гласных данного языка.

Из трех дифтонгов *ai*, *au*, *eu* ниже подлбно рассматриваются только первые два, так как их судьба, в силу самого состава этих древних сочетаний, имела особенно много общего: в обоих дифтонгах в качестве первого компонента выступали переднеязычный или заднеязычный вариант *ä*. Так как сами по себе эти варианты не использовались в смысловоразличительной функции (а только в сочетании с последующими *i*, *u*), то они и не осознавались как отличные от гласного, не претерпевшего ассимиляторного воздействия, и не находили отражения в письме. Такое положение непосредственно предшествовало слиянию двух фонем в одну. В условиях германского ударения это слияние осуществлялось вокруг слогового (ударного) компонента при ослаблении неслогового (безударного), причем последнее сопровождалось компенсационным усилением комбинаторной окраски в ударном. Когда же на месте прежних двух фонем образовывалась одна новал, ее первый компонент переставал восприниматься в качестве представителя фонемы *ä*, его ассимиляторное изменение начинало осознаваться разговаривающими и, наконец, находило отражение в письме (если тому не мешали особые условия).

Древнеанглийское *ā* из германского *ai*

Вопрос о развитии *ai* в древнеанглийское *ā* имеет длительную историю. Не ясно, почему древнеанглийская палатализация всякого германского *a*, затронувшая *au* (др.-англ. *iā*), не коснулась как будто *ai*; если же первый компонент *ai* также был палатализован, то почему в результате стяжения получен звук *ā* заднего ряда? Проблема усложняется еще и тем, что уже в наиболее ранних памятниках древнеанглийского языка встречается только *ā* и, следовательно, промежуточные стадии теряются в доистории.

Точка зрения ранних исследователей, считавших, что здесь имело место простое поглощение (отпадение) неслогового компонента², подверглась обоснованной критике со стороны К. Лемка, предложившего следующую схему. Старое *ai* в результате ослабления безударного компонента превратилось в *ae*, а затем претерпело палатализацию первого компонента. Поскольку обе части *ae* в звуковом отношении были близки между собой, они диссимилировались, постепенно во второй части развился *ä*, затем *a*, после чего, в результате регрессивной ассимиляции внутри дифтонга, *ea* превратилось в *aa* > *ā*³. Хотя до недавнего времени эта схема не подвергалась сомнению, мы со-

¹ См. В. Т r n k a, Fonologický vývoj germánského vokalizmu, «Časopis pro moderní filologii», ročn. XXII, číslo 2, 1936, стр. 156; см. также А. И. С м и р н и ц к и й, Вопросы фонологии в истории английского языка, «Вестник Моск.ун-та», 1946, № 2, стр. 81.

² См.: Н. S w e e t, A history of English sounds from the earliest period, [2-d ed.], Oxford, 1888, § 445; К. D. B ü l b r i n g, Altenglisches Elementarbuch, Teil I, Heidelberg, 1902, § 106.

³ См. К. L u i c k, Historische Grammatik der englischen Sprache, Bd. I, Abt. I, Leipzig, 1921, [обл.: 1914], § 122.

гласны с Л. Броснахамом, замечаящим, что сложные построения Люнка не отличаются убедительностью¹.

Интересующий нас вопрос затрагивался в работах А. Кэмпбелла, который сначала пробовал объяснить образование $\bar{a}$ так же, как Г. Суит и К. Бюльбринг², а затем прибавил к этому еще фактор времени: «В английском, после перехода $\bar{a}$ в $\bar{a}$, был затронут первый элемент *ai*. С другой стороны, в английском *ai* развилось в a до того, как первый элемент мог быть палатализован...»³ Однако, с фонетической точки зрения, комбинаторные условия в случае *ai* в большей мере благоприятствовали палатализации первого компонента, чем в случае *ai*. Что же касается раннего слияния *ai* в a , то нужно еще объяснить, почему в последующую эпоху это a избежало закономерной палатализации в $\bar{a}$.

Применение Л. Броснахамом данных экспериментальной акустики также оказалось бесплодным. Автор вынужден был признать, что «другие факторы, не вполне определимые при помощи акустического анализа, очевидно, принимали участие в развитии»⁴. Ниже мы попытаемся обнаружить эти факторы при помощи фонологического анализа. Исходная система долгих гласных западногерманской языковой общности⁵

$$\begin{array}{ccc} i & & \bar{u} \\ \bar{e}_2 & \bar{o} & \\ \bar{a} < (\bar{e}_1; *anh; -\bar{a}ri < -\bar{a}rius) \end{array}$$

к началу англо-фризской палатализации всякого a (т. е. к III—IV вв.) претерпела изменения и имела вид:

$$\begin{array}{ccc} i & & \bar{u} \\ \bar{e}_2 & \bar{o} < (\bar{o}; \bar{a} + m, n; *-\bar{a}nh) \\ \bar{a} < (\bar{e}_1; \bar{a}ri) \end{array}$$

Палатализации a краткого и долгого, а также a в составе *ai* должна была относиться примерно к одной эпохе (тогда как в случае «старого» *ai* палатализация первого компонента могла задерживаться комбинаторными условиями внутри данного сочетания). Она привела к значительным изменениям всей системы гласных, причем для эволюции долгого вокализма важными явились два момента: а) с превращением a в $\bar{a}$ система окончательно лишилась $\bar{a}$ и становилась несимметричной, неустойчивой; б) появление $\bar{e}_1$ на месте *ai* (или $\bar{e}$ на месте *ae*, по Люнку) в последующее стяжение вокруг ударного компонента должно было с чисто фонетической точки зрения привести к слиянию нового комплекса с $\bar{e}$ (из $\bar{e}_1$). Слияния, однако, не произошло, и задача состоит в том, чтобы объяснить это явление.

В общей форме решение намечено уже К. Люнком, который считал, что после появления $\bar{e}$ ($\bar{e}_1$) путь от него к $\bar{a}$ вряд ли мог идти через ступень $\bar{e}$, так как в этом случае звук мог совпасть с $\bar{e}$ из зап.-герм. $\bar{a}$. Рациональное зерно трактовки Люнка состоит в предвосхищении неизвестных автору закономерностей фонологического порядка. Именно необходимо сохранять фонематическое различие между рефлексами германских $\bar{e}_1$ и *ai* препятствуя им слиянию в древнеанглийском. Историческое $\bar{a}$ явилось следствием межфонемного «отталкивания» западногерманских $\bar{a}$ и *ai*, последовавшего после того, как в результате англо-фризской палатализации долгого и краткого a и стяжения дифтонга *ai* они должны были чрезвычайно сблизиться в фонетическом отношении. В соответствии с общей тенденцией языка избежать слияния двух фонем образовавшийся из «старого» *ai* монофтонг занял пустующее место фонемы $\bar{a}$.

Явление межфонемной диссимилации в настоящее время хорошо известно и много раз наблюдалось в различных языках, в частности в верхненемецком⁶, скандинав-

¹ См. L. F. Brosnahan, *Some Old English sound changes*, Cambridge, 1953, стр. 52.

² См. A. Campbell, *Some Old Frisian sound changes*, «Transactions of the Philological society», London, 1939, стр. 90.

³ Е го же, *West-Germanic problems in the light of modern dialects*, «Transactions of the Philological society», [London], 1947, стр. 12 (цит. по статье: R. V. Lee s k r u y e r, A. Campbell's views on inguæonic, «Neophilologus», 1948, стр. 173).

⁴ L. F. Brosnahan, указ. соч., стр. 55; ср. также стр. 100 и 117.

⁵ Ср. J. Kurylowicz, *The Germanic vowel system*, «Biul. Polsk. t-wa językoznawczego», zesz. XI, 1952. Мы считаем западногерманское $\bar{a}$ звуком среднего ряда и видим основания для этого в двойственном характере его последующего развития — как в направлении переднего, так и в направлении заднего рядов.

⁶ W. Wilmanus, *Deutsche Grammatik*, Abt. I, 3-e Aufl., Strassburg, 1911, стр. 265; C. Karstien, *Historische deutsche Grammatik*, Bd. I, Heideberg, 1939, стр. 91; I. Dal, *Die ahd. Diphthongierung von $\bar{e} > ia$, $\bar{e}$ und $\bar{o} > uo$ als Ergebnis einer sog. «détresse phonologique»*, «Archiv für das Studium der neueren Sprachen», Bd. 188, 1951; J. Fourquet, *The two e's of Middle High German: a diachronic phonemic approach*, «Word», vol. 8, № 2, 1952, стр. 124.

ских¹ и др. Условия развития древнеанглийского долгого вокализма благоприятствовали такой диссимилации. С одной стороны, заполнялось вакантное место *a*, что должно было сочетаться с общей тенденцией развития, поскольку система при этом снова становилась симметричной и устойчивой²:

$$\begin{array}{ccc} \bar{i} & & \bar{u} \\ \bar{e}_2 & \text{---} & \bar{o} \\ & \text{---} & \\ & \bar{a} & \end{array}$$

С другой стороны, существовало значительное число словарных пар, у которых единственным средством смысловоразличения было различие корневых *ai* и *i*, и межфоновая диссимилация удовлетворяла естественному стремлению разговаривающих избежать омонимии³.

Поскольку палатализация *a* в составе *ai* совершалась примерно в одно и то же время, что и палатализация отдельного *a*, то отмеченное межфоновое «отталкивание» могло наступить не позже IV в. Во всяком случае, к середине V в. в прадревнеанглийских диалектах уже следует считаться с наличием *a* на месте *ai*. Это согласуется с мнением тех исследователей, которые переход *ai* > *a* относят к поздним англо-саксонским новшествам⁴.

История *ai*, *au* в древневерхненемецком

В древневерхненемецком языке, если развитие не осложнялось влиянием последующих согласных, удерживалось дифтонгическое произношение: *ai*, *au* > *ei*, *ou*. В положении же перед определенными согласными произошла монофтонгизация: *ai* > *e* перед *h*, *r*, *v*; *au* > *o* перед *t*, *d*, *n*, *l*, *r*, *s*, *z*, *h*.

Долгие *e*, *o* на месте *ai*, *au*. Перед указанными согласными со временем на месте *ai* появляются рукописные *ae*, *e*, *e*, на месте *au* появляются *ao*, *oa*, *o^a*, *o* (редко *oo*). Каким путем шло здесь развитие? Типичными для младограмматиков являются схемы Г. Безеке: *ai* > *ao* > *e* (> *i*) и *au* > *ao* > *a* (> *i*)⁵. Однако и прогрессивная ассимиляция в области гласных (первый этап обеих схем), и регрессивная ассимиляция под влиянием ослабленных *e*, *o* (второй этап) плохо вяжутся с закономерностями развития верхненемецкого и в целом германского вокализма. Не подтверждаются они и формами памятников. Взяв хотя бы случай *ai* > *e*. Г. Безеке считает написание *ae* дифтонгом и видит основания 1) в «параллельном развитии *ai* > *ao* > *e*», 2) в рукописной форме *e*, которая, по его мнению, отличает интересный нас комплекс от латинского монофтонга *ae*, и 3) в том, что «единственный путь от *ai* к *i* ведет через дифтонг *ae*». Но первый и третий доводы не имеют никакой доказательности, а второй — крайне противоречив. По сути для написания *ae* допускается двойное чтение: как монофтонг в латинских словах и как дифтонг в немецких, что мало вероятно для эпохи фонематических алфавитов.

В этой связи важными представляются следующие факты: 1) нередко в одной и той же рукописи наряду с *ae* встречаются написания *e*, *i*; 2) в глоссах, где латинские слова писались рядом с немецкими, то же буквосочетание *ae* должно было изображать весьма близкие звучания. Вот почему есть больше оснований считать, что посредством *ae* и в немецких словах изображался если еще и не монофтонг переднего ряда, то во всяком случае дифтонгический комплекс, первым элементом которого был уже палатальный звук. Написание же *a*, которое девять раз (наряду с 32 *ae*, 3 *e*, 9 *e*) встречается в первой части списка имен «Книги Зальцбургского братства», также свидетельствует скорее о том, что главная роль в рассматриваемом комплексе принадлежала палатальному звуку.

Это подтверждается и фонологическим анализом. Исходя из двухфоновости старых *ai* и *au*, мы считаем, что в эпоху, предшествовавшую их стяжению в монофонемы,

¹ М. П. Стеблин-Каменский, История скандинавских языков, М.—Л., 1953, стр. 129 и 135.

² О подобных явлениях в других языках см.: И. М. Тронский, Очерки из истории латинского языка, М.—Л., 1953, стр. 236; J. Fournquet, указ. соч., стр. 123.

³ См. Н. А. Слюсарева, Фонемы *a* и *æ* в древнеанглийском языке, «Уч. зап. [1-го Моск. гос. пед. ин-та иностр. языков]», т. VII, 1955.

⁴ См. E. Schwa rz, Goten, Nordgermanen, Angelsachsen, Bern — München, 1951, стр. 265—266 (рис. 16).

⁵ G. Baesecke, Einführung in das Althochdeutsche, München, 1918, §§ 18, 19.

эти дифтонги представляли собой сочетания $a^e + i$ и $a^o + u$, где a^e и a^o — соответственно переднеязычный и заднеязычный вариант фонемы a^1 . В случае ai , благодаря воздействию h , r , w^2 , второй компонент дифтонга превращался в гласный среднего подъема, причем аналогично тому, как это происходило при германских перелгласовках³, ослабление безударной фонемы i (и, значит, потери одних различительных возможностей) сопровождалось компенсационным усилением палатальной окраски в ударной фонеме (т. е. появлением других смысловоразличительных возможностей). Когда же оба компонента перестали восприниматься в качестве представителей фонем a и i , они образовали новую монофону типа $*ae$, части которой в фонетическом отношении оказались чрезвычайно близкими и вскоре слились в e открытого качества. В случае au филологические преобразования аналогичны. Обычно считают, что под воздействием дентальных h , r , l и h безударная фонема терлила узкую заднеязычную артикуляцию, приближался к гласному среднего подъема, т. е. к o . Одновременно усиливалась заднеязычная окраска в ударной фонеме. Когда же, в результате длительного развития, обе части старого дифтонга перестали восприниматься в качестве представителей фонем a и u , они образовали монофону типа o , части которой были настолько близкими в фонетическом отношении, что затем слились, образовав o открытого качества.

По Безеке, написание ao передит дифтонг. Подобное же мнение встречаем и у Беахагеля⁴. Однако хотя диграф ao до начала IX в. — обычная форма баварских рукописей, он почти не встречается в алеманнских и франкских памятниках, где стоит просто o . Вместе с тем параллельно с ao встречается oa , oi например, *Oalmār* в Фрейзингерских документах). Вот почему вся совокупность форм говорит скорее о том, что перед нами не дифтонг типа ao , а оформляющийся монофтонг открытого качества⁵, в связи с чем отдельные «мнимые» наращения oa' получают объяснение.

Дифтонги ei , oi на месте ai au . Существо изменений герм. ai , au — др.-в.-нем. ei , oi состояло в том, что и здесь, как в случае комбинаторного стяжения (см. выше), первоначальное сочетание двух фонем превращалось в единую, хотя и сложную фонему; при этом менялись прежние отношения между фонемами a , i , u и преобразовывалась вся система гласных фонем. Указанное слияние, связанное с действием германского ударения и с общей тенденцией к редукции безударных частей слов, должно было происходить вокруг ударной фонемы при ослаблении безударной. Последнее же меняло условия существования ударной фонемы, переднеязычная окраска в ней усиливалась и, когда первый компонент переставал наконец восприниматься в качестве представителя фонемы a , результаты фонетического развития отражались и на письме.

Принципиальное отличие др.-в.-нем. ei , oi и старых ai , au видно из следующего: 1) между компонентами ei , oi невозможен слогораздел, тогда как в старых сочетаниях фонем он возможен, например, санскр. *trayas*, гот. *tawida* и др.; 2) развитие компонентов ei , oi не находит параллелей в развитии соответствующих монофтонгов; так, к концу древневерхнею epoch эпохи на месте ei , oi снова появляются ai , au , однако ни в случае двух кратких фонем e , ни в случае краткого o подобного расширения не наблюдалось; 3) если бы взаимоотношения между компонентами др.-в.-нем. ei были те же, что и в случае общегерм. ei , то в эпоху верхнегерманского уmlаута следовало бы ожидать сужения первой части дифтонга; ср. общегерм. $ei > ii > i$; в действительности же, как мы видели, первый компонент расширялся.

Развитие $ai > ei$ не могло произойти иначе, как при значительной редукции безударного и соответствующем расширении ударного компонентов. Остается, однако, неясным, почему второй элемент здесь все же сохранился, хотя и на правах пазвука единой фонемы-дифтонга. По-видимому, перед нами чисто верхнегерманская особенность (ср. др.-англ. a , др.-сакс. $ē$, др.-фриз. $ē$, a). Ответ следовало бы искать как в относи-

¹ Интересные косвенные доказательства см.: W. W i g e t, *Altgermanische Lautuntersuchungen* («Acta et commentationes universitatis Dorpatensis», B — Humaniora, II, 3), Dorpat (Tartu), 1922, стр. 18, 25.

² Такое воздействие в рассматриваемую эпоху свойственно почти всем германским языкам (см.: Э. П р о к о ш, *Сравнительная грамматика германских языков*, М., 1954, § 42; М. И. С т е б л и н - К а м е н с к и й, указ. соч., стр. 10' — 108; Н. С. W y l d, *A short history of English*, 3-d ed., London, 1927, § 1(2, note 2).

³ См.: М. И. С т е б л и н - К а м е н с к и й, указ. соч., стр. 107 — 108; Н. P e n z l, *Umlaut and secondary umlaut in Old High German*, «Language», vol. 25, № 3, 1949.

⁴ Существует и другое мнение: редукция была повсеместной, но последующие губные и гуттуральные содействовали сохранению u . В этом случае не учитывается, что развитие перед определенными согласными опережало развитие в остальных положениях, т. е. что роль согласных была, по-видимому, активной, а не содержащей.

⁵ O. B e h a g h e l, *Geschichte der deutschen Sprache*, 5-e Aufl., Berlin—Leipzig, 1928, стр. 316.

⁶ См. W. W i g e t, указ. соч., стр. 26—27.

⁷ См. J. S c h a t z, *Altbairische Grammatik*, Göttingen, 1907, стр. 22.

тельно меньшей силе редукции безударного вокализма (она тормозилась своеобразным развитием грамматического строя, полное сохранявшим старую флексию), так и в закономерностях развития всей системы древневерхненемецких долгих гласных фонем. Использование в отдельных случаях *e* на месте *ei* в рукописях, например, 26 *e* в Санкт-Галленской рукописи Глоссария Керона (алеманнский диалект, около 760 г.), по-видимому, отражает разговорное произношение и может служить дополнительным свидетельством того, что в др.-в.-нем. *ei* второй элемент уже не был самостоятельной фонемой (как в старом сочетании *a + i*) и потому в живой речи легко мог не замечаться.

Итак, несмотря на внешние различия, внутреннее содержание обеих линий развития в древневерхненемецком языке было одинаковым: две старые фонемы слились в одну новую. Непонимание качественной разницы между германскими и древневерхненемецкими дифтонгами, обнаруживаемой при помощи фонологического анализа, неизбежно ведет к ошибке. Так, В. Вигет, анализируя карту современных швабских диалектов, где встречаются рядом районы с дифтонгами и районы с монофтонгами на месте др.-в.-нем. *ei*, справедливо заключил, что монофтонгизация здесь состояла в том, что «первый компонент дифтонга расширяет свою протяженность за счет второго и постепенно совершенно вытесняет последний»¹. Однако он сделал ошибочный вывод, будто этим же путем развивались и монофтонги из старых *ai*, *au*, например: др.-англ., др.-фриз. *a < ai*; др.-сакс., вост.-сканд. *i < ei*; др.-в.-нем. *ê < ei < ai* (перед *h*, *r*, *w*)². Возможность простого поглощения второго компонента при развитии *ai* в древнеанглийском подробно критиковалась выше и должна быть отклонена. Схема же *ai > ei >* др.-в.-нем. *ê* не учитывает, что монофтонгизация перед известными согласными опережала появление *ei* из *ai* в остальных случаях. Ссылка Вигета на Вильманнса является явной передержкой, ибо последний вовсе не считал стадию *ei* промежуточной при развитии от *ai* до *ê*. «Несколько раньше, чем появились *ei* и *ou*, — писал Вильманнс, — старые дифтонги в известных условиях превратились в простые гласные *ê* и *ô*, а это предполагает, что не только второй компонент приблизился к первому, но и первый ко второму»³. Позже, в отдельных средневерхненемецких диалектах, добавляет автор ниже⁴, *ei* и *ou* самостоятельно монофтонгизировались; однако речь здесь идет уже не о развитии перед *h*, *r*, *w* и имеется в виду совершенно иная эпоха.

Я. Б. Кругляк

¹ W. Wiget, указ. соч., стр. 16.

² Там же.

³ W. Wilmanns, указ. соч., § 185, 2.

⁴ См. там же, § 187, Anm. 2.